

А.В. НИКОЛЬСКАЯ

МЕСТО ЗООПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается современное состояние зоопсихологии и предлагаются способы выведения этой отрасли науки на новый уровень исследований с учетом наиболее выраженных тенденций современной российской психологии. Показана связь зоопсихологии с другими психологическими науками, а также описаны этические аспекты современной психологии вообще и зоопсихологии в частности.

A.V. Nikolskaya. Place of zoopsychology among other branches of psychology and perspectives of its development. A contemporary state of animal psychology and its future perspectives are discussed. To stimulate a progress in the domain of these studies, it is recommended to take into consideration some most important tendencies in the modern Russian psychology. Close connections between zoopsychology and other branches of the traditional psychology are demonstrated. Special attention is paid to the ethical aspects of modern psychology in general, and zoopsychology in particular.

В последние годы человечество все чаще задумывается о необходимости сохранения природной среды и планеты в целом как экосистемы. Постепенно к нам приходит осознание того, что это невозможно без изменения отношения человека к природе, окружающей нас.

Председатель Госкомэкологии РФ В.И. Данилов-Данильян в своем выступлении на Второй Российской конференции по экологической психологии (2001) особо подчеркнул значение психологических аспектов охраны окружающей среды, указав, что то состояние кризиса, в котором она находится, обусловлено неразумным, неумелым и неадекватным использованием достижений научно-технического прогресса. В своем развитии человек овладел силами, позволяющими ему разрушить систему регулирования окружающей среды, поэтому главная работа по оконтуриванию границ, в которых следует оставаться воздействиям человека на природу, должна быть работа над сознанием человека.

Не только экологи, но и многие философы обращали внимание на то, что основные тенденции развития человечества в последние столетия определялись экономической парадигмой, которая создает потребительское отношение человека к миру. «Природа в философии права нового времени всегда оставалась бесправной» (Хесле, 1994: 24).

Корни проблемы следует искать в закономерностях формирования сознания человека. Поскольку сознание формируется в деятельности, а его структура и обусловлены направлением и способами деятельности, а также накопленными знаниями индивидов и общества в целом, постольку экономическая парадигма развития человечества формировала человеческое сознание в контексте преобразования вещных свойств и отношений окружающего мира с целью их использования для выживания и экономического благополучия (Панов, 2004). Очевидно, что требуется осознание человеком необходимости сохранения ресурсов планеты, поскольку без такого осознания человек, сколь бы ни возросли его технологические возможности воздействия на природу, останется на прежнем уровне потребительского отношения к другим, и к самому себе.

О проблеме осознания человеком своего единства с природой говорили многие мыслители. Например, согласно Вернадскому, человек, как и всякий живой организм, есть функция биосферы. Проблема сохранения окружающей среды, жизни на планете, и самого человечества не может быть решена, пока оно не осознает, что является, как таковое, продуктом развития природы, и средством процесса развития системы «человек-планета» (Вернадский, 1994). Швейцер считал, что этика заключается в том, чтобы выказывать равное благоговение как перед своей, так и перед любой другой жизнью. Именно в этом состоит нравственность. Добро, согласно Швейцеру, — это то, что служит сохранению и развитию жизни, зло — то, что уничтожает жизнь или препятствует ей (Швейцер, 1973). Хайдеггер в своем труде «Бытие и время» (1977) говорит о переживании Бытия как удивлении и благоговении перед тем, что и сам субъект, и мир вообще существуют. Но это чувство, согласно Хайдеггеру, заблокировано повседневностью современного человека. Избавившись от этой повседневности, он почувствовал бы освобождение и восхищение.

Свой вклад в проблему вносят и биологи. Современные достижения ученых в стыковых областях между биологическими и социальными науками, например, в социозологии, способствуют новому пониманию живых организмов как существ, имеющих сходные черты и функции психики с присущими нашему виду *Homo sapiens*. Биологи настойчиво говорят об эволюционно-биологических предпосылках человеческой способности познавать мир, иметь морально-этические нормы¹ и пр.. Так или иначе, сравнение человека с другими живыми существами более чем оправдано, о чем говорит, в частности, многовековая история таких сопоставлений (Кременцов, в этом журнале). В наши дни акцент таких сравнений все более переносится на изучение когнитивных возможностей животных. Полученные данные используются сторонниками стыкового биолого-гуманитарно-философского научного направления - эволюционной эпистемологии (Кэмпбелл, Фоллмер и многие другие).

Безусловно, что и психология не обошла вниманием вопросы взаимодействия человека с миром. Рубинштейн в одной из своих последних работ «Человек и мир» также затрагивает эту тему, размышляя о бытии человека в мире (Рубинштейн, 1977). Чуть позже

¹ Для осознания спорности этой позиции см. в этом номере журнала статьи Н.П. Кременцова и Е.Н. Панова (в разделе Полемика)

Маслоу (1997), пишет свой труд «К психологии бытия», где говорит о естественной, врожденной и неизменной природе человека. Чем сильнее мотивация человека направлена на то, чтобы больше думать о мире, чем о себе, тем больше он способен выходить за рамки субъективного в своем отношении к объективному миру.

Фромм (2004) сходным образом определяет природу человека через его существование. Будучи двойственным существом (биологическим и обладающим в силу этого обладающим инстинктами, и в то же время разумным, способным к осознанию) человек, с одной стороны, выделяется из природного мира, с другой — приобретает неуверенность в себе за счет утраты первоначального единения с природой. Человек пытается преодолеть возникающую экзистенциальную двойственность, и его задачей является воссоединение с миром и природой

Таким образом, и философы, и биологи, и психологи говорят о необходимости единения человека с природой. Зоопсихология, как часть общей психологии, безусловно, не может не откликнуться на поднятую проблему, поскольку одной из ее непосредственных задач является изучение филогенеза и онтогенеза психики живых существ, выявление общих и различных черт психики человека и животных. В области познания единства человека и мира зоопсихология оказывается одной из наиболее востребованных психологических дисциплин.

Зоопсихология в последние годы была незаслуженно оттеснена на край психологической науки. Основной причиной этого, на наш взгляд, является то, что изучение психических процессов вообще есть задача крайне сложная. Во-первых, в силу того, что она призвана иметь дело с так называемыми внутренними переменными (мотивации, ситуативного контекста, индивидуальные особенности испытуемых и т.д.). Во-вторых, трудности создает динамичность этих процессов, нестатичность их в каждый данный момент времени. А в зоопсихологии к этим трудностям добавляется также необходимость учета особенностей восприятия мира исследуемым видом. Очевидно, однако, что все это не может остановить поступательное развитие зоопсихологии. При этом, на наш взгляд, необходимо взять на вооружение те тенденции, которые присущи современной российской психологии, а именно — стремление к целостному познанию изучаемых явлений и усиление субъектного подхода, когда психические явления рассматриваются в конкретной соотнесенности с их носителем (Барабанщиков, 2005).

Одна из основных задач любого зоопсихологического исследования состоит в том, чтобы выявить характеристики исследуемого явления в естественных условиях, ибо только так можно познать явление в его целостности. При этом необходимо осознавать, что здесь перед нами сложноорганизованные системы, требующие учета огромного количества связей и отношений (компоненты среды, взаимодействия животных между собой и со средой и т.д.). Другая тенденция современной психологии, именно акцент на субъектный подход, также сталкивается с серьезными препятствиями при исследованиях на животных. Однако если в систему психологических наук в целом и в зоопсихологию, в частности, ввести понятие «межвидовая психология», выдвинув гипотезу о том, что многие психические феномены, присущие человеку (например, доверие, любовь,

воля, смысл и пр.), могут анализироваться в эволюционной перспективе, с попыткой выявить их «предшественников» у высокоорганизованных животных, с объяснением причин их существования и процессов, детерминирующих их наличие (см. статью Кременцова в этом журнале), то эти явления будет перспективно изучать в процессах межвидового взаимодействия (животное — человек).

Все это может иметь ценность как в общетеоретическом смысле (например, изучение протосознания у высших животных), так и в прикладных аспектах, о чем будет сказано ниже. Наконец, исследования такого рода приобретают несомненную идеологическую ценность в том смысле, что они могут стать одним из условий формирования у человека природоцентрического типа сознания. Речь идет о переживании особых психических состояний единения с природой, об ощущении индивидом самоценности всего живого, в том числе и самого себя (Швейцер, 1977; Майер-Абих, 1990; Панов, 2004 и др.).

Объектом исследования межвидовой психологии могло бы стать межвидовое психологическое взаимодействие представителей любых видов, обладающих психикой. Начать, вероятно, следовало бы с рассмотрения психологического взаимодействия между высшими позвоночными. Но, поскольку и эта тема оказывается необъятной, продуктивнее всего исследовать только определенный ее сегмент, а именно — психологическое взаимодействие между человеком и домашними животными, т.к. это взаимодействие тысячелетиями складывалось в процессе культурно-исторического развития человечества.

Тогда предметом исследований в межвидовой психологии становится весь спектр психических феноменов, имеющих место в процессе взаимодействия у представителей тех или иных видов². Кроме того, метод межвидовой персонифицированной коммуникации является одновременно и субъектным подходом, к которому все чаще обращается современная психология.

Цели и задачи межвидовой психологии.

1. Исследование общности поведения и психики взаимодействующих видов, основанного на анализе структуры их деятельности с учетом экологических и физиологических особенностей изучаемых видов;

2. Исследование психологических характеристик межвидовых групп (человек - домашние животные), а именно: структуры потребностей и мотивов представителей каждого вида, их способов коммуникации, а также изменений психической деятельности представителей каждого взаимодействующего вида в процессе взаимодействия;

² Например, протосознание животных можно исследовать на примере домашних животных в их коммуникации с человеком. Если мы рассматриваем способность к эффективной коммуникации как один из индикаторов развитой психики, то межвидовая коммуникация человека и животных, позволяющая установить соответствие информационных структур между коммуницирующими субъектами, может стать одним из методов исследования протосознания. Такое изучение протосознания у домашних животных позволит определить свойства протосознания в его естественном проявлении, в естественных условиях.

3. Разработка прикладных аспектов межвидовой психологии и зоопсихологии, связанных с влиянием антропогенной среды на взаимодействие человека с животными, а именно:

клинической зоопсихологии — как области исследования отклоняющегося поведения и психосоматических расстройств у домашних животных и теми, что содержатся в неволе, их дифференциальной диагностики и коррекции с учетом влияния средовых антропогенных факторов;

экономической зоопсихологии — как области исследования повышения эффективности производства в процессе взаимодействия человека с сельскохозяйственными животными и теми, что содержатся на зверофермах, в вивариях и пр.;

разработка программ обучения основам зоопсихологии и межвидовой психологии в средних школах с целью показать общность психических законов функционирования живых организмов, с одной стороны, и подчеркнуть особую роль человека в природе, как субъекта, ответственного за жизнь на планете, с другой стороны, это могло бы способствовать пробуждению экологического, природоцентрического сознания у современной молодежи.

Место зоопсихологии среди психологических наук

Очевидно, что зоопсихология тесно связана с *общей психологией*, поскольку она исследует возникновение и функционирование психического отражения в процессе жизнедеятельности человека и животных, рассматривает онтогенетическое развитие психических процессов, и в том числе — предпосылки сознания, у животных.

Если говорить о *психологии личности*, как о направлении, имеющим дело с психологическими различиями между конкретными индивидами, то с уверенностью можно утверждать, что высокоразвитые животные обладают несомненной индивидуальностью, которая становится особенной явной для наблюдателя при непосредственном контакте с ними. Одной из важных задач психологии личности является выделение наиболее существенных параметров организации психической деятельности (измерений, факторов), от которых зависит индивидуально-типологическая характеристика субъекта (Зинченко, Мещеряков, 2005). Существует множество тестов, измеряющих индивидуальность. Интересно, что за рубежом подобные исследования проводятся и в отношении животных. Исследования индивидуальности обезьян известны уже давно (Harlow, 1972; King, 1997; Gold, 1994 и многие другие). Проведены исследования, посвященные индивидуальности собак (Gosling, 1998, Hart, 1985; Wilsson, 1997 и др.), пятнистой гиены (Gosling, John, 1998a), кошек (Gosling, 1998b), ослов (French, 1993), свиней (Forkman, 1995), осьминогов (Mather, 1993) и даже гуппи (Budaev, 1997).

Эти исследования показывают, что в рамках классификаций личностных черт, принятых в работах по психологии личности, можно оценить также индивидуальность животных. Так, в обзоре Гослинга и Джона (Gosling, John, 1999) были исследованы различные животные (макак-резус, верветка, кошка, собака, пятнистая гиена, осел, осьминог и гуппи) на предмет выявления личностных характеристик с использованием пя-

тифакторной модели личности (см. John, 1990). Исследовались индивидуальные характеристики по пяти шкалам: 1. Е — экстраверсия - интроверсия; 2. О — открытость - закрытость опыту; 3. А — согласие-антагонизм; 4. N — нейротизм - эмоциональная стабильность; 5. С — последовательность - импульсивность. Каждый биполярный фактор включает в себя определенные аспекты (например, общительность при экстраверсии, любопытство при открытости опыту и т.д.). Авторами было введено и дополнительное измерение индивидуальности в соответствии со статусом животного, поскольку групповые животные проявляют индивидуальные различия, связанные с их статусом в иерархической структуре группы. Было показано, что у всех животных индивидуальность может быть измерена по шкалам Е и N, а также по шкале А (за исключением гуппи и осьминогов).

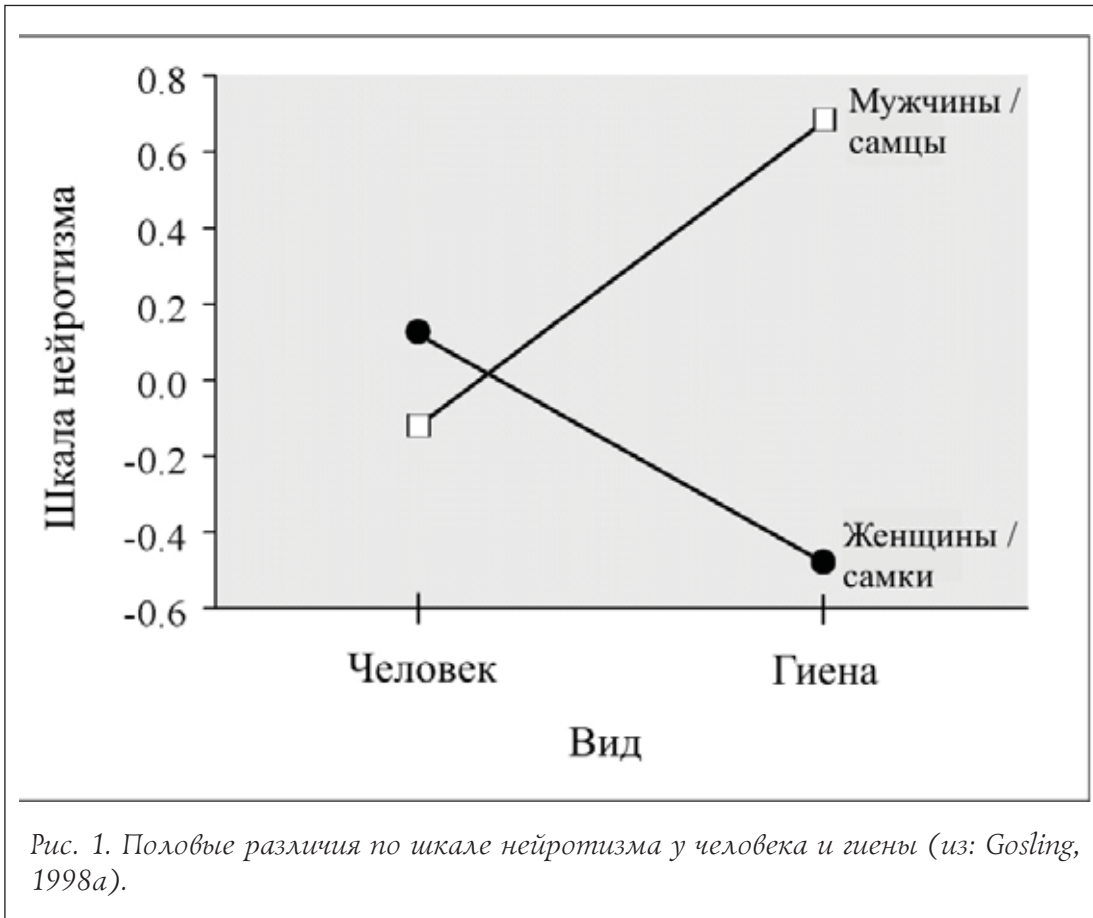
Фактор открытости опыту у животных исследовался на основе их ориентировочно-исследовательской активности в отношении новых объектов и в новых ситуациях, а также — их способности к игре. Однако по поводу этого фактора авторы не дают однозначных заключений по всем видам животных, ссылаясь на методологические сложности, поскольку формы проявления любопытства слишком разнятся у животных разных видов.

Фактор С (последовательность - импульсивность) проявлялся у таких животных, как кошки и собаки (в меньшей степени) и упомянутые выше виды обезьян (в большей степени). Этот фактор определяется такими качествами, как целенаправленность или ее отсутствие, непредсказуемость и неустойчивость поведения. Большую выраженность этого фактора у обезьян авторы обзора объясняют тем, что необходимость обдумывания своих действий до начала поведения характеризуется сложными познавательными функциями, включающими контроль импульсов, а эти функции появляются в эволюции сравнительно поздно³.

Критерий доминантности, вводимый авторами в качестве дополнительного измерения индивидуальности животных разных видов, показал, что доминантность у животных дает больший разброс индивидуальных различий, чем это наблюдается у людей. В этот показатель входили степень агрессивности и степень боязливости, измеряемые у людей по шкалам А и N. Согласно авторам, эти различия можно объяснить тем, что люди участвуют в разнообразных иерархических структурах, которые оказываются менее определенными, чем у животных, и требуют большего разнообразия репертуарных ролей.

Безусловно, в отношении исследований подобного рода возможны возражения того плана, что при измерении тех или иных психологических характеристик животных исследователи опирались на человеческие оценки, а люди всегда имеют склонность к антропоморфизму. Однако было показано, что для разных видов животных, начиная с гиен и заканчивая шимпанзе, независимые наблюдатели схожим образом оценивают те или

³ Со своей стороны добавим, что, исходя из собственных наблюдений за поведением собак, мы можем утверждать, что собаки в состоянии контролировать свои импульсы и спонтанную активность, поэтому полагаем, что в отношении фактора С при измерении индивидуальных особенностей у собак также можно говорить о методических сложностях измерения.

иные черты. Во вторых, в определенных ситуациях использовались определенные поведенческие тесты и делались записи этологических наблюдений, в которых количественно учитывались проявления смещенной активности, компоненты вокализации и прочие показатели, традиционно используемые в этологии.

Интересны также рассмотренные в обзоре гендерные различия индивидуальности у человека и половые различия индивидуальности животных. Так, многочисленные исследования неоднократно показывали, что женщины показывают более высокие показатели нейротизма, чем мужчины (например, Costa, McCrae, 1992). Но не у всех животных наблюдаются такие же различия (рис.1). Например, пятнистая гиена (*Crocuta crocuta*) показывают прямо противоположные измерения нейротизма в зависимости от пола (Gosling, 1998a). Это различие объясняется тем, что в стаях гиен лидерами являются самки, в отличие от человеческого социума, где на сегодняшний день доминируют мужчины. Таким образом, половые различия в индивидуальности могут быть связаны с социальными позициями, которые особи разного пола занимают в группе (социуме). Этот пример показывает, что сравнительный подход такого характера может предоставить

новые перспективы исследования взаимодействия социальных и биологических факторов индивидуальности. Мы видим, таким образом, что дифференциальная психология и ее методы вполне применимы к исследованию индивидуальности у животных.

Связь между зоопсихологией и социальной психологией просматривается при сопоставлении предметов этих дисциплин. Так, социальная психология изучает закономерности поведения и деятельности людей, обусловленные фактором их включения в социальные группы, а также психологические характеристики этих групп. Предметом исследования зоопсихологии и межвидовой психологии в рамках набирающего силы направления, акцентирующего единства человека и природы, оказываются всевозможные психические феномены, которые мы обнаруживаем в процессах взаимодействия человека и животных. Когда скоро речь идет о взаимодействии, то тем самым подразумевается, что эти процессы идут в некоей группе. В такой группе, включающей в себя индивидов разных видов, должны вырабатываться некие групповые нормы, которым индивиды следуют в своем поведении. Именно эти правила поведения и составляют ту группу психических феноменов, которые представляют особый специальный интерес для зоопсихологии.

Среди основных задач современной социальной психологии назовем исследование закономерностей общения и взаимодействия людей, проблемы социализации, исследование малых групп (Зинченко, Мещеряков, 2006). К одной из основных задач современной зоопсихологии мы относим исследование психологических характеристик межвидовых групп (человек - животные), а именно: структуры потребностей и мотивов у представителей каждого вида, их способов коммуникации, а также изменений психической деятельности представителей каждого вида в процессе их взаимодействия. Можно видеть, что эти задачи во многом совпадают с теми, которые ставит перед собой социальная психология. Иными словами, в зоопсихологии появляется понятие *межвидовая психология*, обозначающее психологическое взаимодействие живых существ, которые обладают психикой разного уровня эволюционной продвинутости.

Очевидна также связь между психологией развития и зоопсихологией. Многочисленные исследования сензитивных периодов онтогенеза у млекопитающих позволяют сделать вывод, что сходные факторы среды оказывают однонаправленное влияние на развитие детенышей животных и младенцев у человека. Аналогичные механизмы формирования поведения и психики у человека и других млекопитающих показаны в широко известных работах Харлоу на обезьянах и Шпица на детях по депривации в раннем онтогенезе, исследованиях Фабри и Эльконина о необходимости игры для нормального развития млекопитающих, в многочисленных исследованиях пренатального развития и влияния на плод воздействий, оказываемых на мать (см., например, Палмер, 2005), исследованиях влияния обогащенной и обедненной среды на детей и животных (ЛаФренье, Лебединский, Хайнд и многие другие).

Очевидно, что под факторами среды мы понимаем и ближайшее окружение индивида (социальная среда), которое оказывает огромное влияние на поведение. Присутствие людей в межвидовой группе вынуждает и их самих, и прочих ее членов, выражаясь фигурально, «изучать языки друг друга», что неизбежно приводит к обогащению пси-

хики и форм общения всех представителей группы. Но даже если межвидовая группа не включает в себя человека, ее представители вынуждены учиться общению и, как показывают наблюдения Крушинского (2006) за межвидовыми группами, состоявшими из волков и лисиц, а также из собаки, котов и поросят, животные разных видов тонко приспособляются к совместному существованию. Более того, животные разных видов, знающие друг друга персонально, улавливают мотивы поведения своих партнеров и принимают поведенческие решения, которые обеспечивают мирное сосуществование коллектива. Такое взаимопонимание не может быть естественным результатом коэволюции данных видов, так что взаимопонимание развивается в рассматриваемых условиях спонтанно. Высокоразвитые животные способны уловить последствия тех или иных акций, воспроизводимых особями другого вида (например, по принципу проб и ошибок) и в соответствии с этим строить дальнейшую программу своего поведения. Эти новые, программы, далекие от видоспецифических, должны, по всей видимости, способствовать развитию психики индивидов, о которых идет речь.

Среди других направлений психологии, которые роднят с ней зоопсихологию и межвидовую психологию, стоит назвать клиническую психологию. Действительно, поскольку домашние городские животные, животные в зоопарках и содержащиеся на крупных мясомолочных и зверофермах, часто проявляют признаки отклоняющегося поведения, их удастся классифицировать и изучать более пристально (см. например, Оверол, 2005; Никольская, 2007 и др.).

Зоопсихология и межвидовая психология оказываются также составными элементами экономической психологии. В частности, показано, что зоопсихология представляет интерес и в области психологии труда, поскольку лица, работающие с животными (работники мясомолочных и звероферм, ветеринары и люди родственных профессий) должны обладать особыми профессиональными качествами, которые позволяют сделать их труд более эффективным. Исследования показывают, что у той категории специалистов-животноводов, которые непосредственно работают с животными, профессионализм проявляется в том, что они улавливают связь между действиями животных и их причинностью. Отсюда возможность заключить, какой именно способ воздействия окажется наиболее приемлемым в отношении конкретного животного в конкретных обстоятельствах, и какого поведенческого ответа следует ожидать от него. Поскольку у таких специалистов сформирован повышенный и устойчивый интерес к каждому конкретному животному, то и при контактах с ним специалист демонстрирует устойчивую направленность внимания к происходящему.

Наблюдения показывают, что индивидуальный подход позволяет добиваться больших надоев от одних и тех же животных (10-12 литров против 7-8 за одну дойку). Более того, коровы, содержащиеся в частных хозяйствах, дают на 40-50% больше молока за одну лактацию по сравнению с коровами, содержащимися на крупных молочных фермах. Наконец, количество лактаций у частных коров, как правило, на 2-3 больше, чем у коров, содержащихся на фермах. Очевидно, что одним из объяснений этого феномена является то, что со своими животными хозяева контактируют более доброжелательно, а продолжительность контакта значительно выше (Никольская, 2009).

В последние годы за рубежом огромное внимание уделяется вопросам экологической этики и этического обращения с животными (об этом начинают говорить и в России — см., например, Райдер, 2000). С этой точки зрения представляется экономически выгодным и актуальным разработка методов совершенствования труда работников животноводства и звероводства в соответствии с этими принципами. Экономической зоопсихологии была посвящена работа Фабри «Введение в общую и прикладную ихтиопсихологию», увидевшая свет в 1988 г.

Этические основания зоопсихологии

В последние годы, когда все чаще можно слышать о грозящем человечеству экологическом кризисе, возникает необходимость переориентации человеческого сознания с антропоцентрического на природоцентрическое. В психологии появилось даже новое направление, называемой экологической психологией, одной из задач которого является формирование осознания человеком своего единства с природой (Панов, 2004).

Советские философы отрицали экологическую этику, так как она не имела классового подхода, рассматривала отношение человека к природе, а не человека к человеку. Например, у доктора философских наук, профессора Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова Гусейнова можно найти такую критику взглядов Альберта Швейцера: «Однако безусловно одно: принцип благоговения перед жизнью не может быть принят в качестве основного смысла нравственной деятельности, он внутренне противоречив и по своей сути антисоциален». По Гусейнову природа сама по себе не имеет нравственного содержания, а приобретет его только будучи рассматриваемой в свете интересов и целей общественного человека (Гусейнов, 1974). И хотя эти слова были опубликованы в 1970-х годах, взгляд большинства философов и психологов уже на постсоветском пространстве так и не переориентировались на проблему этического отношения человека к природе.

В 1964 г. экологи Эрлих и Рэйвен ввели понятие «коэволюция» для описания сопряженной эволюции видов, входящих в данную экосистему. За прошедшие полвека идея коэволюции стала популярной настолько, что получает гораздо более широкое толкование. Например, «наука утверждает, и мы обязаны принять понимание того, что человечество может иметь перспективу будущего развития только тогда, когда оно снова окажется в равновесии с биосферой, то есть когда станет возможным обеспечить состояние коэволюции биосферы и общества» (Моисеев, 1996: 91). Коэволюционная стратегия взаимоотношений человечества и всего живого на Земле рассматривается сейчас как одна из центральных установок при разработке оптимальных региональных сценариев природопользования и сельского хозяйства (Олескин, 2001). Идея коэволюции является также важным звеном формирующейся новой научно-философской «познавательной модели» мира (Родин, 1991). Спецификой этой модели считается установка на толерантность, стремление к мирному развитию бытия, включающего многообразие форм жизни.

В конце XX века, немецкий философ Майер-Абих (Meyer-Abich, 1990) подчеркивает, что осознание единства с природой невозможно без воскрешения чувств, притупляемых

цивилизацией. Эти чувства необходимы для проникновения в особые миры, в которых живут другие виды и составляющие их индивиды. Эти «особые» миры Майер-Абихом понимает как окружающий мир, по своему структурируемый и воспринимаемый тем или иным живым существом. «В мире дождевого червя есть только вещи дождевого червя, в мире стрекозы есть только стрекозиные вещи», — писал в свое время Юкскуль (von Бехкль, 1909: 45). По убеждению Майера-Абиха, люди должны осознать, что вещи в мире существуют не только для человечества — как его ресурсы, они также существуют во «внутренних мирах» (Umwelt'ы по Юксюлю) других биологических видов и входят в их «функциональные сферы» «Космос — это не только жизненное пространство для человека» (Meuer-Abich, 1990: 35). Именно в этом осознании должна проявляться специфика человеческого сознания, недоступного для прочих обитателей нашей планеты. Принятие такого плюрализма живых миров, является, по Майер-Абиху, результатом развития цивилизации. Так, на более раннем историческом этапе европейцы осознали, что другие народы также наделены культурой и своими правами.

Почему к большинству из нас не приходит такое осознанное единение с природой? По мнению Фрейда (2001), причиной многих психологических расстройств оказывается страх самопознания. Он, согласно этому автору, зачастую изоморфен и параллелен страху перед внешним миром. Иными словами, суть внутренних и внешних проблем едина, почему и можно говорить о страхе познания вообще. А поскольку знание и действие тесно связаны друг с другом, то страх познания — это страх перед действием, перед последствиями, перед угрозой ответственности. Рубинштейн указывает на опасность утрирования роли деятельности, при котором все, что дано природой, естественное в мире и в человеке, превращается в нечто «сделанное». Такому прагматизму Рубинштейн противопоставляет приобщение человека к бытию через познание и эстетическое переживание при созерцании. Сама созерцательность оказывается иным, отличным от деятельности, способом отношения человека к миру, способом чувственного, эстетического и познавательного отношения. Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись к Вселенной, к миру, к бытию (Рубинштейн, 1977). Такое познание бытия, пользуясь терминологией А. Маслоу, противоположно познанию, обусловленному необходимостью в ликвидации дефицита. Действенное познание активно, в этом процессе субъект познания, направленный на принятие решения, отбирает, что следует воспринимать, а что не следует, соотнося, таким образом, познание с сиюминутными потребностями. Такое познание энергоемко и потому ведет к усталости.

Чем более адекватно человек познает суть бытия вообще, тем ближе он становится к бытию своему собственному. По мере обретения такого единства взглядов, субъект приходит к способности увидеть единство мира. И с приобретением подобного единства и цельности, увеличивается способность слияния с миром (Лао-Цзы, 2007). В этом смысле становление самим собой есть одновременно и взлет над собой. Во всем этом присутствует своего рода парадокс. Чем глубже человеческое познание, рефлексия в отношении себя самого и мира в целом, тем больше мир входит в человека, и тем больше человек подчиняется интрапсихическим законам, а не законам не-психической реальности. Это

не выход за свои пределы, но принятие себя как себя самого и Мира таким, как он есть. Тогда бытийное познание другого существа возможно, если предоставить его самому себе, дать ему возможность жить по своим законам. Когда происходит такое понимание, вдруг оказывается, что интрапсихические законы и законы мира не являются антагонистами и могут быть сведены в единое целое.

Впрочем, опасность созерцательного познания состоит в том, что оно делает действие невозможным или необязательным. Бытийное (не путать с бытовым!) познание несовместимо с действием⁴. Оно не предполагает выставления оценок и сопоставлений и, таким образом, не приводит к принятию решения. Добро и зло несовместимы с бытийным познанием, они не имеют в нем смысла. Такое познание можно сравнить с божественным всепониманием и невмешательством. Но нежелание действовать и утрата чувства ответственности приводят к фатализму, к точке зрения, что «мир таков, как есть», что ведет к утрате волевых качеств. Рубинштейн вовсе не призывает отказаться от деятельности, подчеркивая, что созерцательность не должна быть понята как синоним пассивности и бездеятельности человека. Она — лишь один из способов отношения к миру и должна быть совмещена с действием, производством (Рубинштейн, 1976).

Непосредственное единство человека с природой, как это происходит у всех прочих живых существ, невозможно в конце того пути, которое прошло человечество от сообществ собирателей и охотников до современной цивилизации. Но сознательное созерцание, бытийное познание природы предполагает новое, опосредствованное, сознательное единение с ней, совмещенное с деятельностью. Тогда деятельность человека, осознавшего свою целостность с миром, не будет приводить к разрушению природы.

Таким образом, мотивация человеческого поведения по Рубинштейну - это детерминация поведения человека внешним миром, приобретающая, в конечном итоге, субъективный характер. Посредством этой мотивации человек оказывается вплетенным в контекст действительности. Поведение детерминируется теми предметами и явлениями, которые имеют смысл для субъекта. Не все они входят в иерархию значимого для него. Значимыми оказываются ценности, которые определяются отношением субъекта к окружающей действительности. Обладание ценностями свидетельствует о небезразличии человека в отношении к внешнему миру.

Что же представляет собой, согласно Рубинштейну, любовь ко всему живому, любовь к природе? Природа выступает по отношению к человеку как эстетическая категория. Эстетическое отношение человека к природе — это отношение к ней не только как к сырью для производства или полуфабрикату. Она существует не только как объект практической деятельности человека, но и как нечто, что значимо для человека само по себе («в себе»), причем сам человек при таком подходе осознает и себя самого как часть природы. В этом смысле эстетическое отношение к природе есть, по сути, утверждение ее существования. Способность видеть эстетическое, прекрасное в природе, чувствительность

⁴ Нечто подобное можно обнаружить в известных экспериментах Олдса (Olds, 1946). Когда «центр удовольствия» в мозгу белой крысы подвергается стимуляции, то крыса полностью замирает.

к нему является предпосылкой появляющегося затем этического отношения, в том числе и ответственности за свои действия в природе.

Но пока не возникнет эта способность видеть красоту природы и себя как часть природы, любое долженствование, обязательство любить и беречь природу, навязываемое человеку извне, будет пустым звуком, не находящим должного отклика в сознании. Идея поддержания единства с природой войдет в иерархию ценностей человечества только тогда, когда каждому из нас будет очевиден смысл такого единства, и только в этом случае поведение человека будет определяться этическим отношением ко всему живому.

Фактически, речь идет о зарождении новой этики, этики, признающей правомерность существования мира и индивида в двойственной природе. Тенденция в мирозерцании, согласно которой этика соотносится с психикой в рамках единого целого, благотворна и для формирования развития личности. Ценности новой этики можно сформулировать следующим образом: все, что приводит к целостности, есть «добро»; все, что приводит к разделению, есть «зло». Только согласованное, взаимообогащающее развитие человека и всех живых существа приведет к решению проблемы коэволюции человеческого общества и природы в целом.

Швейцер в своей работе «Культура и этика» утверждал, что этика, в которой нет места вопросу о взаимоотношения человека с другими живыми существами на планете, не может быть полноценной. Согласно Швейцеру, человек сможет стать этичным, только если любая жизнь, жизнь как таковая, будет для него столь же ценной, что и жизнь другого человека. Тогда этика станет универсальной этикой переживаний. Для этого нужно развивать этическое мышление, которое утверждает, что жизнь — это проявление внутренней связи с миром. Человек должен чувствовать близость с любой формой жизни (Швейцер, 1973).

Известный защитник прав животных, доктор психологии Р. Райдер на международном симпозиуме «Биоэтика на пороге третьего тысячелетия», прошедшем в 2000 г. в Харькове, говорил: «Мы живем в период моральной революции. Мы пересматриваем нашу мораль. Мы вовлекаем животных — наших братьев по эволюции, в сферу морали. Мы расширяем границы традиционной морали и права, чтобы дать в них место и им. Как однажды сказал И. Бентам, другие животные, как и мы сами, нуждаются в защите под сенью закона, Проще говоря, это вопрос морали. Я верю, что нет научных и логических причин, почему нам не привлечь всех животных, способных к страданиям, в сферу морали» (Райдер, 2000: 16).

Вернадский, изучая функции живого на нашей планете, предложил рассматривать жизнь как совокупность живого и неживого вещества, которые едины наподобие материи и энергии. В рамках такого мировоззрения Вернадский рассматривал роль человека в общем космическом процессе. Согласно теории Вернадского, подобно тому, как появление живой материи стало огромным скачком в планетарном и космическом развитии, так и очеловечивание (гоминизация) жизни является принципиально новым этапом космического процесса. Деятельность человека создает новую оболочку Земли — ноосферу (Вернадский, 1994). Эта точка зрения противопоставляет традиционному восприятию человека, как венца Вселенной. Согласно Вернадскому, человек разумный,

Homo sapiens — это еще не завершение эволюции природы и сознания. Людям предстоит достичь планетарного сознания, для чего необходимо господство сил разума в самом человеке. Сфера деятельности современного человека — антропосфера — будет заменена ноосферой, которая, по Вернадскому, представляет собой идеальную природу, преобразованную и одухотворенную человеком.

Заключение

Было показано, что зоопсихология стыкуется с многими научными направлениями, начиная с фундаментальных дисциплин, таких как общая психология и психология личности, и заканчивая прикладными отраслями психологии, в частности — экономической психологией и психологией труда.

Любые исследования животных в современном мире не могут не затрагивать вопросов этического отношения к ним. В связи с этим был поднят вопрос о точках соприкосновения психологии и этики, о месте человека среди других живых существ на планете. Очевидно, что в настоящее время мировая наука начинает выходить за рамки традиционных представлений о человеке. Этому способствуют исследования в самых разных областях — от физики и биологии до социологии. Психология и зоопсихология должны занять почетное место в этом ряду. Многие современные ученые полагают, что именно психология — это наука будущего. Любая наука, и психология в особенности, должна принимать во внимания этические аспекты своих исследований. Поэтому можно выразить уверенность в том, что психология, которая рассматривает человека в его единстве с миром, а не противопоставляет его миру как объекту, не только возможна, но и необходима.

Литература

- Барабанщиков В.А. 2005. Методы психологического познания: системный взгляд. Тр. ярославского методол. семинара. Т.3. Метод психологии: 14-23. Ярославль.
- Бергсон А. 1998. Творческая эволюция. М.: КАНОН-пресс. Кучково поле. 330 с.
- Вернадский В. И. 1994. Живое вещество и ноосфера. М.: Наука. 672 с.
- Гусейнов А.А. 1974. Социальная природа нравственности. М., изд-во МГУ. 208 с.
- Данилов-Данильян В.И. 2001. О психологических аспектах охраны окружающей среды. //1-я Российская конференция по экологической психологии. Материалы (под. ред. В.И.Панова): 9-11. М.- Самара: Изд-во МГППИ. 644 с.
- Зинченко В.П., Мецгеряков Б.Г. 2005. Большой психологический словарь. С-Пб.: Еврзнак. 672 с.
- Крушинский А.В. 2006. Записки московского биолога. М.: Языки славянских культур. 499 с.
- Кэмпбелл Д. 1980. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Знание. 391 с.
- Лао Цзы Дао де Цзын. 2007. М.: Аст. 140. с.
- Маслоу А. 1997. Психология бытия. М.: Рефл-бук. 304 с.
- Никольская А.В. 2007. Диагностика и коррекция отклоняющегося поведения у собак. М.: Аквариум. 144 с.
- Никольская А.В. 2009. Социально-психологические аспекты повышения эффективности труда в скотоводстве. Вестник ГУУ. № 4: 81-84.
- Оверолл К. 2005. Клинические методы коррекции поведения собак и кошек. М.: Софион. 672 с.

- Олескин А.В. 2001. Биополитика. М.: Изд. МГУ. 368 с.
- Палмер Дж. 2005. Эволюционная психология. М.: Педагогика. 368 с.
- Панов В.И. 2004. Экологическая психология. М.: НИИ школьных технологий, 186 с.
- Плюснин Ю.М. 1990. Проблема биосоциальной эволюции. Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука. 240 с.
- Райдер Р. 2000. International Committee RSPCA: Міжнародний симпозиум «Біоетика на порозі III тисячоліття»: 11-16. Харьков.
- Родин С.Н. 1991. Идея коэволюции. Новосибирск: Наука. 272 с.
- Рубинштейн С.А. 1977. Человек и мир. М.: Наука, 244 с.
- Фабри К.Э. 1988. Введение в общую и прикладную ихтиопсихологию М.: Изд-во МГУ. 49 с.
- Фрейд З. 2001. Я и ОНО. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Аст. 158 с.
- Фромм Э. 2004. Искусство любить. М.: Прайм-Еврознак. 224 с.
- Хайдеггер М. 1997. Бытие и время. М.: Гнозис. 464 с.
- Хаузер М. 2008. Мораль и разум. М.: Дрофа. 630 с.
- Хесле В. 1994. Философия и экология. М.: Гнозис. 334 с.
- Швейцер А. 2007. Культура и Этика. М.: Алетейя. 288 с.
- Budaev S.V. 1997. "Personality" in the guppy *Poecilia reticulata*: A correlational study of exploratory behavior and social tendency. *Journal of Comparative Psychology*, 111, 399–411.
- Costa, P.T. Jr., McCrae R.R. 1992. *NEO-PI-R: Professional manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources. 244 стр.
- Forkman B., Furuhaug I.L., Jensen P. 1995. Personality, coping patterns, and aggression in piglets. *Applied Animal Behaviour Science* 45: 31–42.
- French, J.M. 1993. Assessment of donkey temperament and the influence of home environment. *Applied Animal Behaviour Science* 36: 249–257.
- Gold, K.C., Maple, T.L. 1994. Personality assessment in the gorilla and its utility as a management tool. *Zoo Biology* 13: 509–522.
- Gosling, S.D. 1998a. Personality dimensions in spotted hyenas *Crocuta crocuta*. *Journal of Comparative Psychology* 112: 107–118.
- Gosling, S.D., & John, O.P. 1998b. Personality dimensions in dogs, cats, and hyenas. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Society, Washington, DC. PP160-178.
- Gosling S. D., John O. P. 1999. Personality dimensions in nonhuman animals: A cross-species review. *Current Directions in Psychological Science* 8: 69–75.
- Harlow H. 1966. Learning to love. *Am. Scientist* 54: 673–685.
- Hart, B.L., & Hart, L.A. 1985. Selecting pet dogs on the basis of cluster analysis of breed behavioral profiles and gender. *Journal of the American Veterinary Medical Association* 186: 1181–1185.
- John, O.P. 1990. The "Big Five" factor taxonomy: Dimensions of personality in the natural language and in questionnaires. In L.A. Pervin ed., *Handbook of personality: Theory and research*: 66–100. N.Y.: Guilford Press.
- King, J.E., & Figueredo, A.J. 1997. The five-factor model plus dominance in chimpanzee personality. *Journal of Research in Personality* 31: 257–271.
- Mather, J.A., & Anderson, R.C. 1993. Personalities of octopuses *Octopus rubescens* *Journal of Comparative Psychology* 107: 336–340.
- Meyer-Abich K.M. 1990. *Aufstand für die Natur. Von der Umwelt zur Mitwelt*. Мюнхен, Wien: Carl Hanser Verlag.

Wilson, E., & Sundgren, P. 1997. The use of a behavior test for the selection of dogs for service and breeding, I: Method of testing and evaluating test results in the adult dog, demands on different kinds of service dogs, sex and breed differences. *Applied Animal Behaviour Science* 53: 279–295.

Никольская Анастасия Всеволодовна
Кандидат психологических наук
Психологический факультет МГУ
tonokazutoya@bk.ru